

Образ Римской империи в трудах Михаила Ивановича Ростовцева

А. В. Махлаюк

Для цитирования: Махлаюк А. В. Образ Римской империи в трудах Михаила Ивановича Ростовцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 1. С. 207–227. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.114>

В статье исследуются особенности того образа Римской империи, который был создан выдающимся историком М. И. Ростовцевым в его трудах, прежде всего в «Социальной и экономической истории Римской империи». Этот образ империи противоречив и неоднозначен. В нем немало подлинных инноваций, ярких красок, но имеется и целый ряд явных преувеличений и aberrаций, определенное «осовременивание» экономических и социальных реалий. Реконструкция базовых социально-экономических процессов и характеристик Римской державы строится в первую очередь на пристальном рассмотрении таких ключевых, с точки зрения Ростовцева, феноменов, как урбанизация и своеобразие отдельных провинций, постепенно интегрируемых в единый Римский мир. При этом меньше внимания уделено Востоку империи и греческим городам, а вскользь брошенная мысль о греко-римской империи не получает развития. Парадоксальным образом Римская империя Ростовцева оказывается империей без империализма. Остается вне поля зрения историка ее «имперскость» (специфические связи центра и периферии (провинциальной и «варварской»), организация пространства, модусы взаимоотношений «имперского народа» и подвластных народов, единство многообразия), а также географическая (геополитическая) и экономическая обусловленность имперской экспансии. Вместе с тем Ростовцев пронизательно улавливает глубинный драматизм римской истории, не сводимый ни к тирании и сумасбродствам отдельных правителей, ни к беспощадной борьбе противостоящих друг другу социальных групп. Существенную роль в создании именно такого целостного образа Римской империи играли не только политические пристрастия и жизненный опыт Ростовцева, но и его личные качества и исследовательский стиль. Это обстоятельство придает «Социальной и экономической истории Римской империи» особое измерение, делая ее не только фактом историографии как таковой, но и показательным свидетельством неразрывной и неустрашимой взаимосвязи между личностью историка, его идеями и тем временем, в котором ему довелось жить и работать.

Ключевые слова: М. И. Ростовцев, Римская империя, образ, *Social and Economic History of the Roman empire*, история Рима, современная историография.

Александр Валентинович Махлаюк — д-р ист. наук, проф., Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; makhl@imomi.unn.ru

Alexander V. Makhlaiuk — Dr. Sci. (History), Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23, pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; makhl@imomi.unn.ru

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

The research is supported by the grant of the Russian Scientific Foundation (project No. 20-18-00374 “The Imperial Mediterranean: Models, Discourses, and Practices of Imperialism from Antiquity to the Early Modern Age”).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

The Image of the Roman Empire in the Works of Mikhail Ivanovich Rostovtzeff

A. V. Makhlaiuk

For citation: Makhlaiuk A. V. The Image of the Roman Empire in the Works of Mikhail Ivanovich Rostovtzeff. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 1, pp. 207–227. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.114> (In Russian)

The article examines the features of the image of the Roman Empire created by the outstanding historian M. I. Rostovtzeff, primarily in his “Social and Economic History of the Roman Empire”. This image is contradictory and ambiguous. It involves a lot of genuine innovative ideas, bright colours, but there are also a number of obvious exaggerations and aberrations, a certain “contemporization” of economic and social realities. Paradoxically, Rostovtzeff’s Roman Empire turns out to be an empire without imperialism. Its very “empireness”, i. e., specific ties between the center and provincial and “barbaric” periphery; the organization of space; the modes of relations between the “imperial nation” and the subordinate peoples; the unity of diversity as well as geographical (geopolitical) and economic determination of Roman imperial expansion, remains outside the historian’s scope. At the same time, Rostovtzeff perspicaciously grasps the deep drama of Roman history, irreducible either to the tyranny and extravagance of individual rulers or to the merciless struggle of social classes. A significant role in creating such a comprehensive image of the Roman Empire was ensured not only by Rostovtzeff’s political preferences and life experience, but also by his personality and style of scholarship. This gives the “Social and Economic History of the Roman Empire” a special dimension, making it not only a fact of historiography per se but the substantial evidence of the indissoluble relationship between the personality of the historian, his ideas and the time in which he happened to live and work.

Keywords: Mikhail I. Rostovtzeff, Roman Empire, image, *Social and Economic History of the Roman Empire*, history of Rome, modern historiography.

Классиков мировой историографии надо не только читать, но и перечитывать. И юбилей выдающегося ученого служит для этого дополнительным поводом. Это стоит делать по разным причинам, в том числе для того, чтобы лучше понимать, в каком состоянии находится современная наука, как далеко она продвинулась вперед по сравнению с тем уровнем, на который ее подняли великие историки прошлого. Данный постулат в полной мере относится к великому русскому антиковеду Михаилу Ивановичу Ростовцеву (1870–1952) и его эпохальному историческому труду «Социальная и экономическая история Римской империи». Эта книга, написанная на английском языке и опубликованная в 1926 г.¹, как, пожалуй, никакой другой его труд, вызывала и продолжает вызывать и пристальный интерес, и искреннее восхищение, и решительную критику.

¹ *Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926.* — О Ростовцеве как классике российского антиковедения см.: *Фролов Э. Д. Судьба ученого: М. И. Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вестник древней истории. 1990. № 3. С. 143–165.* — Для краткости мы будем ссылаться на русский перевод, используя аббревиатуру ОХРИ (русский перевод книги, выполненный с немецкого издания, называется «Общество и хозяйство Римской империи») с указанием тома и страниц, а там, где подразумевается англоязычное издание, использовать сокращение *SEHRE*.

Действительно, критических оценок этот труд вызвал немало как в прижизненных откликах, так и в последующих², в том числе появившихся в связи с его новыми изданиями и переводами³. Не вдаваясь в подробности, приведем только три суждения, достаточно емко характеризующие преобладающее отношение к «Истории» Ростовцева в западной историографии. Первое — это беглое замечание, сделанное Р. Саймом, который, как известно, был историком совершенно иного склада, нежели его русский коллега: «Многие из его обобщений расплывчаты и уязвимы»⁴. Второе высказано Г. Бауэрсоком, указавшим на главный парадокс *SEHRE*, состоящий, по его мнению, в том, что этот труд изобилует курьезными тезисами, но в то же время является признанным шедевром мировой историографии⁵. Третье принадлежит С. Доу, который полагал, что *SEHRE* — это «энергичное, захватывающее, пионерское исследование, но не зрелая завершенность: земной геракловский труд, а не небесное аполлоновское озарение»⁶.

² Из первых наиболее обстоятельных (и критичных) рецензий на труд Ростовцева можно указать: *Last H. Review of: The Social and Economic History of the Roman Empire by M. Rostovtzeff // Journal of Roman Studies*. 1926. Vol. 16. P. 120–128. — Отклик, довольно нейтральный, на этот труд появился и в Советской России: *Алексеев Ф. Рец.: М. Ростовцев. «Социально-экономическая история Римской империи» // Историк-марксист*. 1927. № 10. С. 240–242. — Более поздние критические разборы: *Reinhold M. Historian of the Classic World: a Critique of Rostovtzeff // Science and Society*. 1946. Vol. 10. P. 361–391; *Dow S. The Social and Economic History of the Roman Empire: Rostovtzeff's Classic after Thirty-Three Years // The American Historical Review*. 1960. Vol. 65, no. 3. P. 544–553; *Bowersock G. W. "The Social and Economic History of the Roman Empire" by Michael Ivanovich Rostovtzeff // Daedalus*. 1974. Vol. 103, no. 1. P. 15–23. — Об этих оценках см.: *Алипов П. А.*: 1) Формирование традиционного представления о М. И. Ростовцеве в зарубежной историографии 50-х гг. XX в. // Международная научная конференция молодых ученых «Наука и образование — 2008». Ч. III. Астана, 2008. С. 16–18; 2) Труды М. И. Ростовцева по истории Древнего Рима в оценках англо-американской историографии конца 50-х–70-х годов XX века // Вестник Пермского университета. Политология. История. 2009. № 1(8). С. 86–91; 3) Некоторые тенденции развития антиковедения во второй половине XX в. (на материале критики М. И. Ростовцева) // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии. Омск, 2010. С. 52–55. — О сохраняющемся влиянии Ростовцева на современную историографию см.: *Андро Ж. Влияние М. И. Ростовцева на развитие западноевропейской и северо-американской науки // Вестник древней истории*. 1991. № 3. С. 166–176.

³ Это в первую очередь перевод на немецкий язык и 2-е английское издание 1957 г.: *Rostovtzeff M. I.*: 1) *Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich*. Bdn. I–II. Leipzig, 1929; 2) *The Social and Economic History of the Roman Empire*. Vol. 1–2. New York, 1957. — В довоенные годы вышли переводы на итальянский и испанский языки, а в 1980-х гг. — на французский. Об истории изданий и переводов см.: *Andreau J. Introduction: Antique, moderne et temps présent: la carrière et l'œuvre de Michel Ivanovic Rostovtzeff // Rostovtzeff M. Histoire économique et sociale de l'empire romain*. Paris, 1988. P. I–LXXXIV. — Наиболее подробный анализ изменений и дополнений, которые были сделаны Ростовцевым в разных изданиях *SEHRE* и отражали внутреннюю эволюцию его взглядов и реакцию на критику, см.: *Michelotto P. G.*: 1) *Breve cronistoria del "declino" di un libro: osservazioni su The Social & Economic History of the Roman Empire di M. Rostovtzeff // PIGNORA AMICITIAE. Scritti di storia antica e di storiografia offerti a Mario Mazza*. Vol. III. Catania, 2012. P. 429–480; 2) *Da Pietroburgo a New Haven. Sei saggi su M. I. Rostovtzeff*. Milano, 2019. P. 67–75; 239–277. — Русский перевод И. П. Стребловой выполнен с немецкого издания 1928 г., дополненного по сравнению с 1-м английским, и не учитывает авторские дополнения в итальянское издание (1933 г.). Все они учтены во 2-м английском издании, подготовленном П. М. Фрейзером (который также исправил целый ряд неточностей в цитатах и справочном аппарате), а также во 2-м итальянском и французском изданиях.

⁴ *Syme R. Tacitus*. Vol. I. Oxford, 1958. P. 445, no. 1.

⁵ *Bowersock G. W. "The Social and Economic History of the Roman Empire" by Michael Ivanovich Rostovtzeff*. P. 19.

⁶ *Dow S. The Social and Economic History of the Roman Empire: Rostovtzeff's Classic after Thirty-Three Years*. P. 552.

Большинство исследователей научного творчества Ростовцева сходятся в том, что его *SEHRE* есть проекция событий и путей развития империи Российской, и многие авторские тезисы отражают его социальное положение, личный опыт и пристрастное отношение к происходившим в России общественно-политическим катаклизмам⁷. Так, по словам Бауэрсока, эта книга уходит корнями в ответ Ростовцева русской революции⁸. По мнению М. Веса, Рим в изображении русского историка — это «проекция Российской империи, частично такой, какой ее воспринимал Ростовцев, частично же такой, какой она должна была быть и какой могла быть на его взгляд, — “просвещенной монархией”»⁹. По большому счету, это действительно так, хотя сам Ростовцев возразил своим критикам, отвергавшим на этом основании его объяснение кризиса III в., лаконично и твердо заявив: «Я не вижу причин отказываться от моего объяснения, независимо от того, привело ли меня к нему изучение более поздних стадий развития мировой истории, или нет. Оно и сегодня меня удовлетворяет и согласуется с доступным нам фактическим материалом»¹⁰. Здесь недвусмысленно подразумевается, что историческая концепция автора проистекает и из осмысления опыта современности. Очевидно, он исходил из того принципа, который ранее сформулировал в предисловии к своей книге «Рождение Римской империи», опубликованной в 1918 г., перед отъездом за границу: «Я далек от мысли проводить аналогии и не думаю, что история гражданских войн в Риме может кого-либо образумить и на кого-либо повлиять. Но, думаю, что всякому мыслящему человеку интересно и нужно, психологически важно, переживая настоящее, углубиться и в прошлое и попытаться пережить и его»¹¹. В этом пассаже с очевидностью обнаруживается, что для Ростовцева занятия древней историей предполагают «переживание» прошлого, отношение к нему как к живой реальности, сопрягаемой с современностью. Так или иначе, все это нисколько не отменяет того общепризнанного факта, что именно *SEHRE* открыла, по сути дела, новый этап в изучении экономики и общества императорского Рима.

Научное наследие Ростовцева и дореволюционного, и эмигрантского периода заново вернулось в Россию в самом конце 1980-х гг., когда оценки его масштабной личности стремительно трансформировались от тенденциозного «реакционера» до «великого ученого», внесшего непреходящий вклад в мировую науку об антич-

⁷ *Andreau J. M. I. Rostovtzeff, la décadence romaine et la révolution russe // Actualité de l'antiquité. Actes du colloque organisé à l'Université de Toulouse-Le Mirail par la revue Pallas, décembre 1985. Paris, 1989. P. 27–33.* — Об этом см.: *Алипов П. А. Русский опыт М. И. Ростовцева как основа его теоретической модели: к вопросу о рождении историографического клише // Россия и мир в конце XIX — начале XX века. Ч. II. Пермь, 2009. С. 140–143.*

⁸ *Bowersock G. W. “The Social and Economic History of the Roman Empire” by Michael Ivanovich Rostovtzeff. P. 15–18.*

⁹ *Wes M. A. Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990. P. viii; ср.: Wes M. A. The Russian Background of the Young M. Rostovtzeff // Historia. 1988. Bd. 37. P. 212.* Такую оценку разделяет Э. Д. Фролов, по словам которого в своих написанных за границей капитальных трудах Ростовцев «на свой лад, со страстью и увлечением, свел счеты с действительностью» (*Фролов Э. Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 2006. С. 416*). Высказывались, однако, и суждения, смягчающие чересчур прямолинейную проекцию биографии и опыта Ростовцева на содержание его исторических трудов. См.: *Shaw B. D. Under Russian Eyes // Journal of Roman Studies. 1992. Vol. 82. P. 220–221.*

¹⁰ ОХРИ. II, 202.

¹¹ *Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. М., 2003. С. 7.*

ности¹². Однако в отечественной историографии основное внимание было уделено Ростовцеву как археологу, скифологу и исследователю эллинизма¹³. Гораздо в меньшей степени исследован его вклад в изучение истории Римской империи. Здесь можно назвать только работы С. Б. Криха, исследовавшего выдвинутую Ростовцевым концепцию кризиса III в.¹⁴, и П. А. Алипова, изучавшего его труды по римской истории, созданные в доэмигрантский период творчества, а также формирование его методологии и теоретических взглядов¹⁵.

Чтобы восполнить имеющийся пробел, мы рассмотрим тот обобщенный образ Римской империи, который создает Ростовцев на страницах *SEHRE*¹⁶, делая это в своем неповторимом стиле, во всеоружии колоссальной научной эрудиции и того, что А. Момильяно назвал «жутким даром вызывать античные вещи к жизни»¹⁷. При этом, говоря об образе Римской империи в творчестве Ростовцева, необходимо хотя бы бегло затронуть вопросы о том, какие нерешенные и значимые проблемы дальнейшего исследования он выделяет и как соотносятся намеченные им исследовательские пути с современными тенденциями в изучении Римской мировой державы. При этом я сосредоточу внимание на Ранней империи — от Августа до Северов, не затрагивая ростовцевскую концепцию кризиса III в. и трансформации

¹² Алипов П. А. От «реакционера» до «великого ученого»: М. И. Ростовцев в российской историографии XX в. // Моделирование реальности в пространстве разнообразия: Гуманитарные исследования общественных процессов. М., 2012. С. 25–38.

¹³ См. прежде всего два фундаментальных тома, изданных под руководством академика Г. М. Бонгард-Левина: Скифский роман / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997; Парфянский выстрел / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина, Ю. Н. Литвиненко. М., 2003.

¹⁴ См.: Крих С. Б.: 1) «Философия кризиса» и М. И. Ростовцев: сравнительный анализ концепций упадка цивилизации // Омские исторические чтения. Омск, 2003. С. 178–187; 2) Концепция кризиса III века в Римской империи в творчестве М. И. Ростовцева: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004; 3) Упадок Древнего мира в творчестве М. И. Ростовцева. Омск, 2006; 4) Социальный кризис и возможности его преодоления. М. И. Ростовцев о Римской империи // Европа. Вып. 8. С. 5–13.

¹⁵ См.: Алипов П. А. Зарождение концепции древнеримского капитализма в трудах М. И. Ростовцева (1870–1952) // Россия и мир в конце XIX — начале XX века. Пермь, 2008. С. 68–71; 2) М. И. Ростовцев — историк Древнего Рима: доэмигрантский этап научного творчества: дис. ... канд. ист. наук. М., 2010; 3) М. И. Ростовцев: исследования по истории Древнего Рима (доэмигрантский период) // Проблемы российской историографии середины XIX — начала XXI в. М.; СПб., 2012. С. 77–150; 4) Формирование теоретической базы в лекционных курсах М. И. Ростовцева (1898–1912 гг.) // Вестник РГГУ. Исторические науки. 2012. № 4 (84). С. 231–239.

¹⁶ Отдельные элементы этого образа присутствуют, разумеется, и в других его работах, в том числе в научно-популярной книге «Рождение Римской империи», в которой они, однако, представлены более декларативно. Содержание и значение этого сочинения в последнее время неоднократно рассматривались исследователями творчества Ростовцева: Bowersock G. W. Rostovtzeff's 'Birth of the Roman Empire', St Petersburg (Petrograd), 1918 // *Mediterraneo Antico*. 2003. Vol. 6, no. 2. P. 613–624; Bellomo M. L'immagine di Augusto ne *La nascita dell'Impero romano* di M. I. Rostovtzeff // *Augusto dopo il bimillenario: Un bilancio*. Milano, 2018. P. 280–288; Michelotto P. G. Rostovtzeff, Augusto e *La nascita dell'Impero romano* // *Augusto dopo il bimillenario: Un bilancio*. Milano, 2018. P. 264–279 (= Michelotto P. G. *Da Pietroburgo a New Haven*. P. 279–296); Алипов П. А. Популяризация древней истории в эпоху Великой российской революции: «Рождение Римской империи» М. И. Ростовцева // Стены и мосты — VII. Междисциплинарность: что от историка требует, что дает и что у него берет? М., 2018. С. 27–28. — Важна также обширная статья о кризисе Римской империи в III столетии, которая была опубликована в 1923 г. и конспективно наметила основные тезисы, развитые затем в *SEHRE: Ростовцев М. И. Политический и социальный кризис в Римской империи в III в. по Р. Хр.* // Ростовцев М. И. *Miscellanea: Из журналов Русского зарубежья (1920–1939)*. СПб., 2004. С. 94–136 (тогда же был опубликован и ее французский вариант: Rostovtzeff M. I. *La crise sociale et politique de l'Empire romain au IIIe siècle ap. J.-C.* // *Musée Belge*. 1923. Vol. 27. P. 233–242).

¹⁷ Момильяно А. М. И. Ростовцев // Мир историка. Вып. 1. Омск, 2005. С. 435.

империи в позднеантичную эпоху, поскольку этой теме посвящено немало добротных исследований¹⁸.

Обращение именно к образу Римской империи уместно и важно потому, что Ростовцев, безусловно, был историком большого, индивидуально-неповторимого стиля; ему, как никому другому, были по силам и соответствовали складу его мышления и дарования столь масштабные темы, как история Римской империи или эллинизма в целом. Надо сказать, что сам Михаил Иванович придавал большое значение литературной форме своих работ, считая историописание разделом литературы, о чем прямо говорится в другом его известном труде «История Древнего мира»: «...история все еще остается ветвью литературы... задачей чисто литературного и художественного характера... Все более и более превращаясь в раздел точной науки, история не может и не должна утрачивать свой литературный и, стало быть, индивидуальный характер»¹⁹.

Следует оговорить, что используемое нами понятие «образ» — категория не строгая, трудноопределимая применительно к продукту исторического исследования. Но, как представляется, она может быть вполне продуктивной²⁰ и позволяет уловить своеобразие исторического труда не только в используемых автором подходах и исследуемой проблематике, но и в индивидуальном исследовательском стиле и том личностном авторском опыте, который вольно и невольно привносится даже в строго академический труд, тем более если он посвящен крупной теме, имеющей не только сугубо научный интерес, но и актуальное общественно-политическое звучание. Этот образ складывается «из измененной общей теории, отобранных и получивших особое освещение исторических фактов, замаскированных привходящих обстоятельств (следов политического, экономического и другого влияния современности)»²¹. Думается, что для историков, знакомых с трудами Ростовцева и, скажем, Р. Сайма, вполне очевидным представляется существенное различие не только в конкретных предметах исследования и методологии, манере письма, но и то совершенно разное представление о Римской империи, которое возникает по прочтении их произведений. Речь, по сути, идет о характере индивидуального историографического дискурса, посредством которого производится и репрезентируется знание о прошлом.

Соответственно, под *образом Римской империи* мы подразумеваем некое целостное представление о ней, которое, с одной стороны, как бы *предзадано* авто-

¹⁸ В дополнение к работам, указанным в примечании 14, см.: Крих С. Б. Исчезающая парадигма падения Рима // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Омск, 2006. С. 43–58; Carrié J.-M. Rostovtzeff et l'histoire de l'antiquité tardive // Michel Ivanovitch Rostovtzeff. Bari, 2008. P. 253–270.

¹⁹ Rostovtzeff M. I. A History of the Ancient World. Vol. I. Oxford, 1928. P. 6–7.

²⁰ Примером плодотворного использования понятия «образ» в историографическом исследовании могут служить работы С. Б. Криха, посвященные истории советской науки о древности. Под «образом древности» он понимает «представления о древности, которые не всегда полностью осознавались самими историками и не всегда были видны их читателям... но которые диктовали историкам манеру письма и развивались по своей собственной логике... были еще и эмоционально окрашены... задавая определенное отношение к этой эпохе» (Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М., 2013. С. 10). Ср.: Крих С. Б. Образ древности в советской историографии: конструирование и трансформация: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2015. С. 13.

²¹ Крих С. Б. Образ древности в советской историографии: конструирование и трансформация. С. 11.

ру, приступающему к ее изучению, исходя из неких первичных допущений и наличных знаний, опыта, имплицитных и эксплицитных установок, в соответствии с которыми формулируются вопросы, отбирается материал и определяются линии исследования; с другой стороны, это то, что получается в результате и выражается в авторском дискурсе, который включает манеру письма, набор описательных категорий, форму и содержание высказываемых характеристик процессов, персон, коллективных акторов, соотношение генерализаций и подробностей в общем нарративе. Разумеется, этот образ сильно зависит от конкретных ракурсов и предмета исследования, но в то же время обуславливается в немалой степени той эпохой, в которой работает историк, с ее контрверсами, болевыми точками, идейной и политической атмосферой.

Какие же особенности в созданном Ростовцевым образе Римской империи можно выделить с учетом названных моментов?

Обратим прежде всего внимание на тот понятийный аппарат, базовые концепты, которыми оперирует историк. Неоднократно отмечено, что они включают явно модернизаторские категории: классы, капитал, пролетариат, буржуазия, революция и т.п. Эта терминология, однако, не должна пониматься как буквальный перенос в античность реалий современного автору мира; она, действительно, скорее «образная и аналогическая, то есть исключительно условная»²²; ее употребление вовсе не означает, что Ростовцев не видит разницы между современными и античными феноменами, но он предпочитает выстраивать свой дискурс на близких и понятных для людей того времени понятиях, оставляя точные дефиниции другим историкам. Такой подход позволял актуализировать труд, обращенный к далекому прошлому, и выразить (в основном подспудно, хотя изредка историк допускал прямые апелляции к современности²³) отношение к проблемам своей эпохи. Этому же способствовало использование и более нейтральных, но хлестких понятий, типа «аристократически-плутократический класс»²⁴, и анахронистических категорий, таких как «просвещенная конституционная монархия» или «конституционная империя»²⁵, а также оценочно-образных, метафорических выражений, например «гигантская тюрьма для миллионов людей» (о поздней империи)²⁶. Подобная лексика скорее искажает историческую картину, но вместе с тем делает ее более наглядной, помещая ее в глобальную перспективу. Надо сказать, что в первые десятилетия XX в. такого рода модернизаторская терминология была в ходу и у других специалистов по рим-

²² Крих С. Б. Социальный кризис и возможности его преодоления. С. 7.

²³ Так, прямая аналогия с положением в Советской России звучит в ремарке автора по поводу цитируемого частного письма из Оксиринха (III в. н.э.): «Загадочные фразы, которые явно не были загадкой для адресата, напоминают мне те многочисленные письма, которые я получаю из Советской России. Плоды террора везде и в любые времена одинаковы» (ОХРИ. II, 194). Пример иного рода — характеристика городского благоустройства, подчеркивающая, что города Римской империи в отношении комфорта, красоты и гигиены ни в чем не уступали многим современным европейским или американским городам (ОХРИ. I, 141). Сравнение с современной Америкой присутствует и в пассаже, посвященном благотворительности городской знати: «В наше время такое сочувствие общественным интересам встречается разве что у некоторых американских богачей. Однако по сравнению с имеющимся состоянием римляне жертвовали для общественной пользы гораздо большую долю, чем нынешние американцы» (ОХРИ. I, 324).

²⁴ ОХРИ. I, 126.

²⁵ ОХРИ. II, 209–210.

²⁶ ОХРИ. II, 236.

ской истории, включая дореволюционных российских авторов²⁷ и тех, кто позиционировал себя как марксисты²⁸, не говоря уже о западных исследователях²⁹. При этом сам Ростовцев в полной мере отдавал себе отчет в коренных различиях античного и современного капитализма³⁰. Тем не менее не приходится отрицать определенное «освоивременивание» экономической и социальной структуры Римской империи, которое, при всех авторских оговорках, неизбежно возникает вследствие насыщенности текстов Ростовцева соответствующей терминологией, отсылающей к неоклассической экономике и теории классовой борьбы.

В целом же реконструкция базовых социально-экономических процессов Римской державы строится в первую очередь на пристальном рассмотрении таких ключевых, с точки зрения Ростовцева, феноменов, как урбанизация и своеобразие отдельных провинций, постепенно интегрируемых в единый Римский мир. Он специально подчеркивает, что эти моменты еще не получили должного освещения в науке, и, предлагая свое освещение, допускает известные преувеличения, когда пишет о том, что Римская империя была «урбанизирована даже чрезмерно»³¹. Эта мысль поясняется в другом месте: «Чем выше было число городов, тем больше углублялась пропасть между этими двумя классами», то есть классами «привилегированной буржуазии и трудящихся, землевладельцев и крестьян, хозяев мастерских или лавок и рабов»³². Такой классовый дуализм нельзя не признать явным упрощением исторической реальности, как и ту степень урбанизированности, о которой пишет Ростовцев, оставляя в тени существенную неравномерность распространения городов на территории империи. Однако, по большому счету, он совершенно прав, когда заявляет, что в период своего наивысшего процветания империя все более представляла собой необычное сочетание союза самоуправляющихся городов и стоящей над ними «почти абсолютной монархии, в которой в качестве законного носителя власти вступало высшее должностное лицо господствующего города»³³.

Главы, посвященные провинциям, дополняют эту картину важными аспектами, они насыщены конкретным фактическим материалом и дают историческую ретроспективу ключевых территорий, вошедших в состав империи. Однако в оценках ряда общих тенденций опять-таки присутствуют преувеличения. Так, декларативно звучит утверждение о том, что при Антонинах «провинции стали осознавать

²⁷ Например: *Bunner P. Ю.* Очерки истории Римской империи. М., 1908.

²⁸ *Сергеев В. С.* История Древнего Рима. М.; Л., 1925. Ср.: *Крих С. Б.* Образ древности в советской историографии. С. 79–80.

²⁹ См., например: *Salvioli G.* Le capitalisme dans le monde antique. Paris, 1906; *Cavaignac E.* Population et capital dans le monde méditerranéen antique. Strasbourg, 1923.

³⁰ Ср. его ремарку во 2-м издании *SEHRE*, которая есть прямой ответ его критикам: “I must point out that I use the expression ‘capitalism’ in its wider meaning, of the economic form which aims at profit, not at consumption. Naturally, modern capitalism is of a wholly different kind...” (*SEHRE*. 1957, II, 543, no. 1). Ср. также: *Ростовцев М. И.* Капитализм и народное хозяйство в Древнем мире // Русская мысль. 1900. Т. III. С. 191–217 (эта статья спустя много лет появилась в переводе на французский язык: *Rostovtseff M. I.* Capitalisme et économie nationale dans l’antiquité // *Pallas*. 1987. Vol. 33. P. 19–40). О ростовцевской концепции римского капитализма см.: *Алипов П. А.* Зарождение концепции древнеримского капитализма в трудах М. И. Ростовцева.

³¹ ОХРИ. I, 67.

³² ОХРИ. II, 95.

³³ ОХРИ. I, 136, 137. Стоит заметить, что подобный взгляд на Империю находит соответствие в оценках античных авторов, например, в словах ритора IV в. Либания о Римской державе как союзе полисов, связанном золотой цепью императорской власти (*Or.* XI. 129).

себя индивидуальными образованиями, целостными локальными единицами или... «нациями». Римская империя теперь представляла собой объединение этих наций»³⁴. Стоит отметить, что Ростовцев меньше внимания уделяет Востоку империи и греческим городам, и вскользь брошенная мысль о *греко-римской* империи, высказанная по поводу правления Адриана, не получает у него развития³⁵. Между тем, как подчеркивается в современных исследованиях, именно своеобразный «цивилизационный дуализм», двойная греко-римская культурная идентичность представляют одну из наиболее поразительных особенностей Римской империи³⁶, в которой власть была римской, а культура греческой³⁷. Тем не менее яркие, индивидуализированные характеристики основных провинций, несомненно, делают тот образ Римской империи, что создается Ростовцевым, более объемным и позволяют поставить его труд вровень с V томом «Римской истории» Т. Моммзена³⁸.

Для самого Ростовцева было вполне очевидным единство той «греко-италийской городской цивилизации», которая упрочилась во всех странах, примыкавших к Средиземному морю. Как он красноречиво, хотя и не без преувеличения, писал в статье 1923 г., «люди везде жили одинаково, имели одни интересы, читали одни книги, слушали одних и тех же... профессоров, музыкантов, актеров, посещали школы с одинаковым планом обучения, наслаждались предметами искусства одинакового характера. Мировая цивилизация выработана была во всех деталях и была одинаково близка и дорога и жителю Пальмиры в Сирии, и эллинизированному арабу в Петре, и греко-египтянину в Александрии, и латино-берберу в Карфагене, и кельто-бритту в Лондоне, и основательно романизированному кельту Парижа, Лиона или Бордо, германцу Страсбурга или Кёльна, фракийцу Белграда и Будапешта, иллирийцу Триеста или Сплита»³⁹.

Чрезвычайно важной чертой создаваемого Ростовцевым образа империи и основой его общей концепции является выделение основных социальных и политических акторов, действия и противоборства которых определяли ход истории Римской державы. В качестве таких субъектов выступают в первую очередь сами правители, от основателя принципата до «солдатских императоров». Но при всей значимости их индивидуальных решений и личностных особенностей Ростовцев отнюдь не сводит к этому их конкретную политику и обращает внимание на зависимость императоров от общественного мнения знати, граждан, армии и провинциалов.

Одним из главных субъектов, определяющих и ход событий, и саму сущность императорского режима, представлена реформированная Августом армия, которая изменялась по способам комплектования и своему социальному составу, чем обуславливалась ее политическая активность. Ростовцев отмечает, в частности, что

³⁴ ОХРИ. I, 127.

³⁵ Адриан «полностью отдавал себе отчет в том, что является правителем греко-римской империи...» (ОХРИ. I, 82).

³⁶ Arnason J. P. The Roman Phenomenon: State, Empire, and Civilization // The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives. Malden, 2011. P. 179.

³⁷ Veune P. L'empire Greco-romain. Paris, 2005. P. 11.

³⁸ У. Вилламовиц-Мёллендорф назвал книгу Ростовцева самой важной после пятого тома Моммзена (*Крих* С. Б. М. И. Ростовцев и М. Финли: два типа ученого // История и историки в прошлом и настоящем. М., 2013. С. 387, примеч. 24).

³⁹ Ростовцев М. И. Политический и социальный кризис в Римской империи. С. 95–96.

армия Августа уже не была войском пролетариев⁴⁰; в ней были представлены почти все группы населения и сословия Империи — от сенаторов, занимавших высшие командные должности, до еще не затронутых греческой или римской культурой провинциалов, служивших во вспомогательных войсках⁴¹. Но ядро вооруженных сил составляли все-таки римские граждане. Провинциальные группировки даже во время гражданской войны 69 г. н. э. отнюдь не были выразителями каких-то сепаратистских стремлений, хотя уже тогда у легионеров «накопилась растущая ненависть к господствующим классам и их пособникам — преторианцам, как бы олицетворяющим городское население и, в частности, буржуазию Италии»⁴². Это противостояние продолжилось и при Флавиях, с политикой которых связана провинциализация легионов, хотя это была «буржуазная» армия, набираемая из наиболее цивилизованных и образованных классов урбанизированных частей империи⁴³; и меры Веспасиана для политической нейтрализации армии оказались столь же эффективными, как и решения Августа⁴⁴. Эта линия была продолжена Адрианом, при котором моральный дух и дисциплина войска поднялись до необыкновенных высот⁴⁵. Ростовцев, таким образом, верно акцентирует тот факт, что армия, пока она состояла из римских граждан или людей, готовых стать римскими гражданами, которыми командовали римские граждане, уроженцы Рима и Италии, оставалась опорой государства⁴⁶, но по мере ее дальнейшей провинциализации, варваризации и рустификации, начиная с конца II в. н. э., она все более превращалась в деструктивную, революционную (в том негативном смысле, какой автор вкладывал в это слово) силу, сыгравшую главную разрушительную роль в ходе кризиса III в.

Вместе с тем Ростовцев противоречив в оценке роли армии как опоры императорского всевластия. Так, он называет правление Юлиев-Клавдиев военной тиранией: именно это понятие было использовано в названии III главы 1-го издания *SEHRE* — “The military tyranny of the Julii and Claudii”, хотя в немецком издании оно было заменено на нейтральное “Die Nachfolger des Augustus: die Julier und Claudier”⁴⁷. Однако общая мысль осталась прежней: принципат преемников Августа зависел от воли армии⁴⁸. При этом, отмечая противоречивость попыток дать государственно-правовое определение созданного Августом строя, Ростовцев предлагает подход, по своей сути очень близкий к современным концепциям принципата, обращая внимание на его социальную сущность, которая заключается

⁴⁰ В отличие от тех армий, которые сражались в гражданских войнах и представляли собой пролетарские массы Италии и провинций, являвшиеся «величайшей силой смуты и разложения» (Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. С. 119).

⁴¹ ОХРИ. I, 56–57.

⁴² ОХРИ. I, 92–93, 95. О взглядах Ростовцева на изменения императорской армии см.: *Michelotto P. G. Da Pietroburgo a New Haven*. P. 258–262.

⁴³ ОХРИ. I, 110. Характерна здесь ремарка автора к слову «буржуазная», которое взято в кавычки: «это понятие опошлено социалистами, у которых оно стало расхожим словом».

⁴⁴ ОХРИ. I, 111.

⁴⁵ ОХРИ. II, 81.

⁴⁶ ОХРИ. I, 128–131. — В другой работе историк особо подчеркивает значение личных связей между императором и войском и продуманной системы того взаимного контроля внутри самой армии, который осуществляли всаднические и сенаторские офицеры, рядовые и младшие командиры. См.: *Ростовцев М. И. Рождение Римской империи*. С. 124–128.

⁴⁷ *Michelotto P. G. Da Pietroburgo a New Haven*. P. 257.

⁴⁸ Cp.: *SEHRE*. 1957, 101; *Rostovtzeff M. I. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich*. Bd. I. Leipzig, 1929. S. 65.

в компромиссе, не только и даже не столько политическом, сколько социальном, результатом которого была не «какая-либо чистая форма государственности, а нечто двойственное и гибридное, что можно описать, но чего нельзя определить каким-либо одним термином»⁴⁹.

Другим значимым актором в истории Империи было, согласно Ростовцеву, римское гражданство, которое, однако, характеризуется без должной дифференциации и того внимания, какого заслуживает. Это ведет к недостаточно обоснованным обобщениям. Так, он называет римских граждан создателями принципата, которые «навязали свою волю носителям созданной ими власти и добились того, чтобы по возможности замедлить неотделимый от принципата процесс политического нивелирования»⁵⁰. В такой формулировке остается непонятным, принадлежали ли эти граждане к низам или к элитам общества, можно ли включать в их число тех легионеров, которые сражались в гражданских войнах и которые, по мнению Ростовцева, были одной из главных движущих сил в процессе перехода от республики к принципату. Суть дела отчасти проясняет замечание в «Рождении Римской империи», где указывается, что это было «не римское гражданство форума, а огромная масса жителей италийских городов, организованная в отдельных римских и латинских колониях и муниципиях»⁵¹. Так или иначе, роль гражданского коллектива как того стержня, вокруг которого строилась мировая держава римлян, не упускается историком из виду⁵². И в этом отношении его позиция нашла продолжение в современных исследованиях, в которых институт гражданства рассматривается как решающий фактор в интеграции политических и экономических элит провинциальных общин в имперские структуры, причем подчеркивается неоднородность самого римского гражданского коллектива, дифференцированного иерархически вертикально, на *honestiores* и *humiliores*, и горизонтально, в зависимости от места происхождения и проживания⁵³.

В то же время принципат II в. н. э. («просвещенная монархия» Антонинов), по мнению Ростовцева, «означал победу образованных классов, подобно тому как принципат Августа означал в свое время победу сообщества *cives Romani*»; при этом такую победу поддержали и солдаты легионов, которые «не были сторонниками военной тирании»⁵⁴. Однако к концу века Антонинов состав армии претерпел варваризацию, и она уже не могла считаться «представительницей культурных слоев населения», утратив свою связь с городами и превратившись в армию землевладельцев и крестьян⁵⁵.

⁴⁹ Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. С. 118.

⁵⁰ ОХРИ. I, 91.

⁵¹ Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. С. 119.

⁵² Ср.: Там же. С. 13. — Отмечается, что римское гражданство «неизменно основано было в строении своего государственного, экономического и социального бытия на принципах античного городского народоправства». Ср. также: Ростовцев М. И. Политический и социальный кризис в Римской империи. С. 103. — С изданием знаменитого эдикта Каракаллы о предоставлении гражданства перебринам, по оценке Ростовцева, римское государство, опиравшееся на *senatus populusque Romanus*, окончательно отмирает, ибо «теперь каждый человек был римским гражданином, но на самом деле гражданином не был никто» (ОХРИ. II, 133).

⁵³ См.: Махлаюк А. В. Институт гражданства в Римской империи: обзор современной историографии // Экономика, право, власть в Древнем мире. Посвящается памяти В. И. Кузицина. СПб., 2021. С. 626–657.

⁵⁴ ОХРИ. I, 123.

⁵⁵ ОХРИ. I, 130–131.

Как бы ни велика была роль армии в политике и социально-экономических структурах империи, все же наибольшее значение, как в активно-созидательном, так и в пассивно-негативном качестве, Ростовцев придает тому социальному слою, который он обобщенно называет городской буржуазией, подразделяя ее на разные фракции и отмечая, что она возникла с ростом благосостояния Италии, возрождением восточных провинций и урбанизацией. Не давая строгой дефиниции этого класса, историк относит к ней землевладельцев, торговцев и промышленников, живших в городах и осуществлявших свою деятельность на основе капиталистических принципов⁵⁶. Именно они, наряду с армией, представляли опору императорской власти⁵⁷ в ее стремлении ослабить могущество землевладельческой знати, именно их энергии держава обязана периодами наивысшего экономического благосостояния и политической стабильности⁵⁸. Правда, со временем они из коммерческой буржуазии превращались в класс рантье, чье богатство основывалось на систематической эксплуатации низших классов. Высший слой этой буржуазии вместе с тем составлял, по определению Ростовцева, ту «чиновную аристократию», при помощи которой император управлял городами и их территориями⁵⁹.

Хотя между высшими и низшими слоями буржуазии трудно провести четкую разделительную черту, «поскольку они наверняка взаимно пополняли друг друга»⁶⁰, все же наиболее предприимчивой и созидательной частью этого класса Ростовцев считает мелкую буржуазию, к которой он относил торговцев, образованных земледельцев, владельцев мастерских, представителей свободных профессий, мелких служащих административного аппарата, происходивших частью из свободных граждан, частью из вольноотпущенников и их потомков. Они-то и составляли «становой хребет городской жизни»⁶¹ и, располагаясь в общественной иерархии между богатыми и неимущими, могут быть объединены понятием «средний класс», которое неоднократно встречается у Ростовцева⁶² и в настоящее время признается вполне правомерным для характеристики социальной структуры римского общества⁶³. Однако все попытки императоров поднять низшие классы на уровень трудового, энергичного среднего сословия не имели успеха⁶⁴. При этом высший класс городской буржуазии был почти бесплоден в экономическом отношении, живя в большинстве своем рентой. Только новые люди, вливавшиеся в этот класс (бывшие рабы, отчасти семиты и левантинцы Востока) проявляли «энергию и волю к наживе»⁶⁵.

⁵⁶ ОХРИ. I, 99.

⁵⁷ Ростовцев отмечает, что в этом отношении структура Римской империи походила на структуру эллинистических монархий, но в то же время имела и принципиальное отличие: император не был чужеземцем, но представлял господствующий имперский народ, являясь первым гражданином в гражданском обществе (ОХРИ. I, 91–92).

⁵⁸ ОХРИ. I, 107.

⁵⁹ ОХРИ. I, 178.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² ОХРИ. I, 179, 187, 189; ОХРИ. II, 95, 96, 98, 107, 125, 133.

⁶³ См.: Mayer E. The Ancient Middle Classes: Urban Life and Aesthetics in the Roman Empire, 100 BCE–250 CE. Cambridge; London, 2012. P. 1–14.

⁶⁴ ОХРИ. II, 96.

⁶⁵ Ростовцев М. И. Политический и социальный кризис в Римской империи. С. 107.

Что касается низших слоев свободного населения, то к ним в первую очередь относится городской и сельский (крестьянский) пролетариат, который изображается Ростовцевым как сугубо пассивная или разрушительная сила, противостоящая высокой культуре. Под ним он понимает не только пролетариев в античном смысле слова как цензовый класс, но и неработающих и полупраздных жителей городов, не принадлежавших к гражданам⁶⁶. Иногда к числу пролетариев относятся также свободные наемные рабочие и рабы, занятые в мастерских и домашнем хозяйстве⁶⁷. Положение рабов и рабовладельческие отношения, вопрос о роли и удельном весе рабского труда в римской экономике Ростовцевым специально не рассматриваются. Однако он отнюдь не недооценивает их экономическую роль, подчеркивая, что все богатства городов Италии и провинций выросли на базе эксплуатации труда рабов⁶⁸. Именно эти последние составляли огромную армию слуг, ремесленников, землепашцев, рудокопов, матросов и т. д.⁶⁹ Их вклад в домашнее хозяйство, сельскохозяйственное и ремесленное производство, а также использование в торговле, управлении банками и имперской администрации неоднократно отмечаются, как и то, что они в значительной мере были и источником пополнения городской буржуазии⁷⁰.

Ростовцев был одним из первых историков, обратившихся к истории крестьянства в эпоху империи. По его убеждению, без изучения условий, которые были характерны для сельской местности, невозможно понимание социального и экономического развития Древнего мира. Констатируя, что «города поведали нам свою историю, деревня же словно затаила молчание»⁷¹, он стремится восполнить эту лауну и показывает сельских тружеников с детализацией их статусов, материального положения, этнической принадлежности, особенностей, наблюдаемых в разных провинциях. Однако в целом прав А. Момильяно, который отметил, что Ростовцев, сосредоточив свое внимание на деятельности среднего класса, уделял крестьянам и рабам иногда меньше внимания, чем требовалось⁷². В частности, вне его поля зрения фактически осталась крестьянская община, игравшая существенную роль в социальной жизни сельских тружеников⁷³. Систематической характеристики социальной структуры римского имперского общества у Ростовцева действительно нет. Как писал тот же Момильяно, «он не был историком римского или эллинистического общества в целом. Он был прежде всего историком его торговцев, образованных земледельцев и профессионалов»⁷⁴. Тем не менее все названные выше социально-политические и экономические группы обрисованы динамично, в развитии и постоянном противоборстве, в котором то одна, то другая, то третья сила занимает доминирующее положение, определяя ход событий и процессов. Это проти-

⁶⁶ ОХРИ. I, 47, 110–111.

⁶⁷ ОХРИ. I, 178; II, 9.

⁶⁸ Ср.: Ростовцев М. И. Политический и социальный кризис в Римской империи. С. 106.

⁶⁹ ОХРИ. I, 60.

⁷⁰ ОХРИ. I, 60, 103. Ср. Ростовцев М. И. Политический и социальный кризис в Римской империи. С. 106.

⁷¹ ОХРИ. I, 180.

⁷² Момильяно А. М. И. Ростовцев. С. 453–454.

⁷³ Вопрос о крестьянстве и крестьянской общине в Риме был поднят прежде всего в советской историографии. См.: Штаерман Е. М.: 1) Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978. С. 14–48; 2) История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996.

⁷⁴ Момильяно А. М. И. Ростовцев. С. 449.

воборство показано именно как классовая борьба между угнетателями и угнетенными, причем государство во многих случаях выступает как всеобщий угнетатель, от которого страдает и буржуазный класс, попадающий под нивелирующую мощь государственного аппарата. Другая основополагающая тенденция, заостренная Ростовцевым, — это неуклонная, все более усугубляющаяся поляризация имперского общества на два класса, со временем превратившихся в две противостоящие друг другу касты, само наличие которых было страшной угрозой империи и тормозило развитие экономики⁷⁵. Эта же антиномия характеризует и эллинистические монархии и вообще рассматривается историком как универсальная в человеческой истории⁷⁶.

Все это дает основания полагать, что Ростовцев упростил социально-экономическую жизнь римского общества в эпоху империи. Действительно, он не очень интересовался налогообложением и инфляцией как главными показателями изменений в этой структуре, не уделил достаточного внимания проблеме формирования правящего класса⁷⁷, хотя и указал на насущную необходимость собрать материал о богатых собственниках, выяснить источники их доходов, характер их экономической деятельности⁷⁸.

В той грандиозной картине, которую представил Ростовцев, можно обнаружить и другие упущения и упрощения. На них не раз указывалось в литературе. И все же надо сказать еще об одном моменте. В период написания *SEHRE* в общественно-политический и историографический обиход для характеристики завоевательной политики Рима (главным образом в эпоху республики)⁷⁹, уже широко вошло понятие «империализм». Однако Ростовцев им не пользуется⁸⁰. Парадоксальным образом Римская империя Ростовцева оказывается империей без империализма. Ее «имперскость», то есть специфические связи центра и периферии, организация пространства, модусы взаимоотношений «имперского народа» и подвластных народов, единство многообразия — все это остается вне поля зрения историка, как и географическая (геополитическая) и экономическая обусловленность и последствия имперской экспансии. О причинах отсутствия такого ракурса можно только гадать. Вероятно, Ростовцева смущал современный политический подтекст, связанный с понятием «империализм». Видимо, он считал его применимым только к периодам активной завоевательной экспансии Рима, которая уже к концу правления Августа сошла на нет. Кроме того, никак не обозначены средиземноморский характер созданной римлянами державы и обусловленность ее

⁷⁵ ОХРИ. II, 95–96, 235.

⁷⁶ Ср.: *Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. III. Oxford, 1941. P. 1031*: «... В итоге они [эллинистические монархии] столкнулись с великой и вечной проблемой человеческого общества, столь же острой в Древнем мире, как и в современном: [антиномией] между правителями и управляемыми, между “имущими” и “неимущими”, буржуазией и рабочими классами, городом и деревней».

⁷⁷ *Момильяно А. М. И. Ростовцев. С. 453.*

⁷⁸ ОХРИ. I, 149.

⁷⁹ *Смыков Е. В. Метаморфозы одной теории (к 100-летию выхода книги Т. Франка «Римский империализм») // ПЕНТНΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. М.; СПб., 2018. С. 348.*

⁸⁰ Оно использовано лишь один раз: ОХРИ. I, 38. — При этом, однако, автор дважды ссылается на пионерскую работу о римском империализме Т. Франка (*Frank T. Roman Imperialism. New York, 1915*): ОХРИ. I, 269, 274.

экономического развития эколого-географическим своеобразием региона⁸¹. Почти не уделено внимания средствам коммуникации и степени взаимосвязанности различных частей Римского мира.

Важнее, впрочем, выделить те идеи Ростовцева, которые действительно стали продуктивными для дальнейшего изучения Римской империи. Существенным оригинальным вкладом в понимание глубинных процессов развития Римской державы стало пронизательное выявление тех факторов, которые коренились в самой сути социально-экономической системы и даже во времена расцвета империи предвещали ее упадок. По его словам, «главным бедствием была не слабость администрации и не растраты городами денежных средств, равно как и не тяжкая обязанность защищать границы империи путем наступательных войн, — главной причиной упадка были прогнившие основы, особенно экономические, на которых покоилось все здание империи. Она не была в достаточной степени цивилизованной... ее экономическая жизнь не была настолько развитой, чтобы выдерживать большие нагрузки, без которых самоутверждение единой и политически целостной империи было невысказано»⁸². Эта мысль, хотя и сформулирована в общем виде, без дальнейших подробных разъяснений, представляется весьма плодотворной, поскольку улавливает глубинный драматизм римской истории, не сводимый ни к тирании и сумасбродствам отдельных правителей, ни к беспощадной борьбе противостоящих друг другу социальных групп, ни к вырождению государственных институтов.

Ставит Ростовцев и принципиальный вопрос о причинах отсутствия в римском мире индустрии и развитых форм капиталистического хозяйства. Возражая тем исследователям, которые искали объяснение в существовании рабского труда, он приходит к выводу, что основным фактором было отсутствие настоящей конкурентной борьбы, что обуславливалось составом, численностью и покупательной способностью потребителей, а также бедностью населения в целом⁸³. Это означает, что сама основа римской промышленности была непрочной и не могла выдержать чрезвычайно дорогостоящее, по-капиталистически организованное машинное производство⁸⁴. Важно и то, что именно Ростовцев поставил такие проблемы, как экономическое поведение элит и эволюционные процессы в античной экономике⁸⁵.

В числе наиболее перспективных новаций Ростовцева оказалась постановка вопроса о роли психологии народных масс в античной истории. Эта его попытка понять и оценить настроения и реакции низов римского общества как фактор исторического процесса и, соответственно, понять их роль в событиях, связанных с упадком Античного мира, хотя и не может быть признана достаточно убедительной, тем не менее наметила важное направление последующих исследований, которые пошли в русле, противоположном тому, что было задано Р. Саймом, исхо-

⁸¹ В этом смысле трудно согласиться с мнением Б. Шоу, который фактически называет Ростовцева предтечей Ф. Броделя, указывая на поразительный охват всего Средиземноморья как единого целого и называя это *le monde Braudellien avant la chose* (Shaw B. D. Under Russian Eyes // Journal of Roman Studies. 1992. Vol. 82. P. 221).

⁸² ОХРИ. II, 82.

⁸³ ОХРИ. II, 71–72.

⁸⁴ ОХРИ. II, 73.

⁸⁵ См.: Андрю Ж. М. И. Ростовцев и экономическое поведение элит («буржуа» и «рантье») // Вестник древней истории. 1994. № 3. С. 223–229.

дившим из того, что «низшие классы не имели ни голоса в правительстве, ни места в истории»⁸⁶. Для Ростовцева же психологические факторы равнозначны с политическими и экономическими при объяснении установления принципата. Эта мысль была сформулирована еще в «Рождении Римской империи», где в качестве причин установления власти Августа и длительного сохранения созданного им строя указывались материальное и психологическое состояние, в котором находилась римская держава после гражданских войн, соответствие принципата общественным настроениям и создавшимся политическим, экономическим и психологическим условиям⁸⁷. Стоит также подчеркнуть, что и конечную причину упадка Римской империи Ростовцев усматривает в изменениях ментальности: «... в случае Римской империи неуклонный упадок цивилизации следует связывать не с физическим вырождением или некоей порчей крови у высших рас из-за рабства, не с политическими и экономическими условиями, а скорее с изменившимися установками в головах людей»⁸⁸.

В целом же история Римской империи в изображении Ростовцева не есть просто действие безличных экономических, психологических и социальных сил. Да, они задают объективные векторы исторического движения, но реализуются в конечном счете через деятельность отдельных людей, в том числе — и не в последнюю очередь — императоров. В силу самого предмета своего исследования (социально-экономическая история) и, возможно, личных исследовательских пристрастий Ростовцев не склонен сводить к этому суть дела и касается персоналий только бегло. Но эти краткие характеристики в большинстве своем очень меткие и емкие. Например, Траяна он называет слишком импульсивным человеком, чересчур увлекавшимся военными авантюрами, чтобы ясно сознавать, что они подрывают жизненные силы империи⁸⁹. Особенно выразительно характеризуется Адриан (этот, как называет его автор, «интеллектуал, наделенный тонким артистическим вкусом... последний афинянин и романтик на троне»⁹⁰, кстати сказать, упоминается в *SEHRE* чаще других императоров): «Движимый духовными интересами, он легко переносил невзгоды жизни вечного путешественника и даже находил удовольствие в таком образе жизни... Он хотел как следует узнать империю, которой правил, причем узнать лично и во всех деталях. Он полностью отдавал себе отчет в том, что является правителем греко-римской империи и что попытка отдать предпочтение какой-то одной провинции была бы никчемной тратой времени и сил. Этим объясняется проэллинистическая политика Адриана, которой способствовали также его духовные интересы и любовь к искусству»⁹¹.

Таким образом, образ империи, созданный Ростовцевым, противоречив, неоднозначен. В нем немало подлинных инноваций, ярких красок (хотя подчас чересчур сгущенных), но имеется и целый ряд явных преувеличений и aberrаций.

⁸⁶ *Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P.476.* — О принципиальных различиях подходов Ростовцева и Сайма см.: *Potter D. S. Introduction: The Shape of Roman History: The Fate of the Governing Class // A Companion to the Roman Empire. Malden; Oxford, 2006. P.4–5.*

⁸⁷ *Ростовцев М. И. 2003: Рождение Римской империи. С. 91.*

⁸⁸ *Rostovtzeff M. I. A History of the Ancient World. P.366. См.: Michelotto P. G. Da Pietroburgo a New Haven. P.248.*

⁸⁹ ОХРИ. II, 78.

⁹⁰ ОХРИ. II, 124–125.

⁹¹ ОХРИ. II, 82.

С высоты достигнутого к настоящему времени уровня исследований по истории римской экономики и социальных отношений в эпоху империи⁹² труд Ростовцева выглядит сегодня устаревшим, следующим в русле колониальной идеологической перспективы, отвергнутой современной наукой, но сохранявшей полную силу во времена, когда работал Ростовцев, который придал новый импульс модернизаторской линии в изучении Древнего мира⁹³. После интенсивных дебатов между модернистами и примитивистами, последовавших за тем радикальным разворотом в концептуальных подходах, который связан в первую очередь с идеями М. Финли, новейшие исследования все больше склоняются к некоему «среднему пути» между крайностями обоих течений⁹⁴. При этом подходы и категории современной экономической науки (такие как, например, инвестиции, капитал, транзакционные издержки), переосмысляемые в русле новой институциональной экономики, находят вполне продуктивное применение в изучении социально-экономических реалий Римского мира⁹⁵. Эти исследования все более базируются на данных археологии и иницируются в первую очередь археологами, активно внедряющими в свои исследования такие категории, как креолизация, мультикультурализм, гендер, идентичность, глобализация⁹⁶. Перечитывая труды Ростовцева по Римской империи, еще раз убеждаешься, насколько изменились подходы и категориальный аппарат современной науки, обращающейся к затронутым им темам. И как в труде Ростовцева о Римской империи отразились проблемы первой четверти XX в. с его классовыми противоречиями, революциями и войнами, кризисными явлениями в культуре, так и в современном историографическом дискурсе, безусловно, находят отражение вызовы и контрвызовы драматически меняющегося современного мира.

⁹² Даже самый беглый перечень новейших исследований, существенным образом изменивших подходы к изучению социально-экономической истории Римского мира, включил бы многие десятки работ. Ограничимся указанием только на несколько полезных обзоров, показывающих положение дел в данной области с начала 1980-х гг.: *Harris W. V. Between archaic and modern. Some current problems in the history of the Roman economy // The Inscribed Economy. Production and Distribution in the Roman Empire in Light of Instrumentum Domesticum. Ann Arbor, 1993. P. 11–29; Drexhage H.-J., Konen H., Ruffing K. Die Wirtschaft der römischen Kaiserzeit in der modernen Deutung: Einige Überlegungen // Die Ökonomie des Imperium Romanum. Strukturen, Modelle und Wertungen im Spannungsfeld von Modernismus und Neoprimitivismus. Akten des 3. Trierer Symposiums zur Antiken Wirtschaftsgeschichte. St Katharinen, 2002. S. 1–66; Ляпустин Б. С. Проблемы современной историографии экономики Древнего Рима: поиски и решения // Вестник древней истории. 2011. № 4 (34). С. 359–374; Scheidel W. Approaching the Roman Economy // The Cambridge Companion to the Roman Economy. Cambridge, 2012. P. 1–24; Hobson M. S. A Historiography of the Study of the Roman Economy: Economic Growth, Development, and Neoliberalism // TRAC 2013. Proceedings of the Twenty-Third Annual Theoretical Roman Archaeology Conference at King's College London, 4–6 April 2013. Oxford, 2014. P. 11–26; Raepsaet G.: 1) Économie et socio-économie de l'Antiquité, entre théories et pragmatismes // L'Antiquité Classique. 2014. Vol. 83. P. 181–218; 2) Dernières tendances en histoire socio-économique de l'Antiquité romaine. Le paysan et la terre; l'artisan, ses statuts, ses techniques et ses marchands, entre mécanismes de production et émancipations sociales // L'Antiquité Classique. 2017. Vol. 86. P. 257–287.*

⁹³ О модернизаторстве Ростовцева в целом см.: *Крих С. Б. Модернизация античной истории и М. И. Ростовцев // Античный вестник. 2005. Вып. 7. С. 67–87.*

⁹⁴ Ср. *Ляпустин Б. С. Проблемы современной историографии экономики Древнего Рима. С. 366–368.*

⁹⁵ *Hobson M. S. A Historiography of the Study of the Roman Economy. P. 13.* — В числе новейших работ в этом русле можно указать: *Capital, Investment, and Innovation in the Roman World / ed. P. Erdkamp, K. Verboven, A. Zuiderhoek. Oxford, 2020.*

⁹⁶ См.: *Махлаюк А. В. Глобализация по-римски // Древний Восток и Античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира. Вып. 9. М., 2018. С. 430–443.*

Однако в том, что сейчас история Римской империи пишется иначе, чем это делал Ростовцев, есть и его немалая заслуга. Далеко не все его полемически заостренные тезисы и оригинальные идеи выдержали проверку временем, но именно через их критику, как и через адаптацию и развитие, происходил дальнейший прогресс в изучении больших исторических феноменов⁹⁷. В этом, очевидно, и заключается особая диалектика развития науки: преодоление заблуждений предшествующих поколений ученых возможно только при почтительном признании их заслуг.

Безусловно, существенную роль в создании именно такой общей концепции и такого целостного образа Римской империи, какие нашли выражение в *SEHRE*, сыграли не только политические пристрастия и жизненный опыт Ростовцева, но и его личные качества, в оценке которых следует согласиться с мнениями тех исследователей его творчества, которые подчеркивают, что Ростовцев был «более интуитивен, чем логичен (что свойственно русским), и... часто не до конца разрабатывал свои теории»⁹⁸, что «властный темперамент и упорная решимость влекли его, без чрезмерного внимания к нюансам, к безапелляционным заявлениям, к категоричным предположениям, к аподиктическим высказываниям»⁹⁹. Но данное обстоятельство придает «Социальной и экономической истории Римской империи» особое измерение, делая ее не только и не столько фактом историографии как таковой, сколько показательным свидетельством неразрывной и неустрашимой взаимосвязи между личностью историка, его идеями и тем временем, в котором ему довелось жить и работать. Представляется, что к «Социальной и экономической истории Римской империи» в полной мере можно отнести слова Ф. Миллара, сказанные о другом эпохальном труде — «Римской революции» Р. Сайма: эта книга «действительно кажется... произведением искусства, которое не имеет себе равных среди основных исторических произведений и которое все еще будет читаться как таковое, даже если настанет день, когда наши знания о римской истории изменятся благодаря новым свидетельствам или когда мы найдем совершенно новые способы для ее интерпретации»¹⁰⁰.

References

- Alekseev F. Rets.: M. Rostovtsev. "Sotsial'no-ekonomicheskaja istoriia Rimskoi imperii". *Istorik-marksist*, 1927, no. 10, pp. 240–242. (In Russian)
- Alipov P. A. Formirovanie teoreticheskoi bazy v leksionnykh kursakh M. I. Rostovtseva (1898–1912 gg.). *Vestnik RGGU. Istoricheskie nauki*, 2012, no. 4 (84), pp. 231–239. (In Russian)
- Alipov P. A. Formirovanie traditsionnogo predstavleniia o M. I. Rostovtseve v zarubezhnoi istoriografii 50-kh gg. XX v. *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferenciia molodykh uchenykh "Nauka i obrazovanie — 2008"*, pt III. Astana, 2008, pp. 16–18. (In Russian)

⁹⁷ Явная и скрытая полемика с Ростовцевым занимает значительное место в трудах М. Финли, предложившего, как известно, принципиально иную концепцию развития античной экономики. «Примитивистская» концепция Финли и последующая финлеанская линия в изучении античной экономики сформировались как реакция на концепции «модернистов», включая Ростовцева. Это обстоятельство верно подмечено С. Б. Крихом: «...внутренний сюжет истории антиковедения 1930–1980-х гг. ... это линия Ростовцев — Финли, причем линия преимущественно не преемственности, а противостояния...» (*Крих С. Б. М. И. Ростовцев и М. Финли: два типа ученого. С. 397*).

⁹⁸ *Момильяно А. М. И. Ростовцев. С. 454.*

⁹⁹ *Michelotto P. G. Breve cronistoria del "declino" di un libro. P. 430.*

¹⁰⁰ *Millar F. Style Abides // Millar F. Rome, the Greek World, and the East. Vol. 2. Government, Society, and Culture in the Roman Empire / eds H. M. Cotton, G. M. Rogers. Chapel Hill, 2004. P. 404.*

- Alipov P. A. M. I. Rostovtsev — istorik drevnogo Rima: doemigrantskii etap nauchnogo tvorchestva: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, [s. n.], 2010, 252 p. (In Russian)
- Alipov P. A. M. I. Rostovtsev: issledovaniia po istorii drevnogo Rima (doemigrantskii period). *Problemy rossiiskoi istoriografii serediny XIX — nachala XXI v.* Moscow, St Petersburg, Alians-Arheo Publ., 2012, pp. 77–150. (In Russian)
- Alipov P. A. Nekotorye tendentsii razvitiia antikovedeniia vo vtoroi polovine XX v. (na materiale kritiki M. I. Rostovtseva). *Drevnost' i Srednevekov'e: voprosy istorii i istoriografii.* Omsk, Omsk State University Press, 2010, pp. 52–55. (In Russian)
- Alipov P. A. Ot “reaktsionera” do “velikogo uchenogo”: M. I. Rostovtsev v rossiiskoi istoriografii XX v. *Modelirovanie real'nosti v prostranstve raznoobraziya: Gumanitarnye issledovaniia obshchestvennykh processov.* Moscow, URSS Publ., 2012, pp. 25–38. (In Russian)
- Alipov P. A. Populiarizatsiia drevnei istorii v epokhu Velikoi rossiiskoi revoliutsii: “Rozhdenie Rimskoi imperii” M. I. Rostovtseva. *Steny i mosty — VII. Mezhdisciplinarnost': chto ot istorika trebuets, chto daet i chto u nego beret?* Moscow, RGGU Press, 2018, pp. 27–28. (In Russian)
- Alipov P. A. Russkii opyt M. I. Rostovtseva kak osnova ego teoreticheskoi modeli: k voprosu o rozhdenii istoriograficheskogo klishhe. *Rossiiia i mir v konce XIX — nachale XX veka*, pt. II. Perm', Perm' University Press, 2009, pp. 140–143. (In Russian)
- Alipov P. A. Trudy M. I. Rostovtseva po istorii drevnogo Rima v otsenkakh anglo-amerikanskoi istoriografii kontsa 50-kh — 70-kh godov XX veka. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. Istoriia*, 2009, no. 1 (8), pp. 86–91. (In Russian)
- Alipov P. A. Zarozhdenie kontseptsii drevnerimskogo kapitalizma v trudakh M. I. Rostovtseva (1870–1952). *Rossiiia i mir v konce XIX — nachale XX veka*, pt. II. Perm', Perm' University Press, 2008, pp. 68–71. (In Russian)
- Andreau J. Introduction: Antique, moderne et temps présent: la carrière et l'œuvre de Michel Ivanovic Rostovtseff. *Rostovtseff M. Histoire économique et sociale de l'empire romain.* Paris, R. Laffont, 1988, pp. I–LXXXIV.
- Andreau J. M. I. Rostovtsev i ekonomicheskoe povedenie elit (“burzhua” i “rantë”). *Vestnik drevnei istorii*, 1994, no. 3, pp. 223–229. (In Russian)
- Andreau J. M. I. Rostovtseff, la décadence romaine et la révolution russe. *Actualité de l'antiquité. Actes du colloque organisé à l'Université de Toulouse-Le Mirail par la revue Pallas, décembre 1985.* Paris, Éditions du CNRS, 1989, pp. 27–33.
- Andreau J. Vliianie M. I. Rostovtseva na razvitie zapadnoevropeiskoi i severo-amerikanskoi nauki. *Vestnik drevnei istorii*, 1991, no. 3, pp. 166–176. (In Russian)
- Arnason J. P. The Roman Phenomenon: State, Empire, and Civilization. *The Roman Empire in Context: Historical and Comparative Perspectives.* Malden, Wiley-Blackwell, 2011, pp. 353–386.
- Bellomo M. L'immagine di Augusto ne *La nascita dell'Impero romano* di M. I. Rostovtzeff. *Augusto dopo il bimillenario: Un bilancio.* Milano, Le Monnier Università, 2018, pp. 280–288.
- Bowersock G. W. “The Social and Economic History of the Roman Empire” by Michael Ivanovich Rostovtzeff. *Daedalus*, 1974, vol. 103, no. 1, pp. 15–23.
- Bowersock G. W. Rostovtzeff's ‘Birth of the Roman Empire’, St Petersburg (Petrograd), 1918. *Mediterraneo Antico*, 2003, vol. 6, no. 2, pp. 613–624.
- Burton P. J. *Roman Imperialism*, Leiden, Boston, Brill, 2019, 114 p.
- Carrié J.-M. Rostovtzeff et l'histoire de l'antiquité tardive. *Michel Ivanovitch Rostovtzeff.* Bari, Edipuglia, 2008, pp. 253–270.
- Cavaignac E. *Population et capital dans le monde méditerranéen antique.* Strasbourg, Librairie Istra, 1923, 163 p.
- Dow S. The Social and Economic History of the Roman Empire: Rostovtzeff's Classic after Thirty-Three Years. *The American Historical Review*, 1960, vol. 65, no. 3, pp. 544–553.
- Drexhage H.-J., Konen H., Ruffing K. Die Wirtschaft der römischen Kaiserzeit in der modernen Deutung: Einige Überlegungen. *Die Ökonomie des Imperium Romanum. Strukturen, Modelle und Wertungen im Spannungsfeld von Modernismus und Neoprimivismus. Akten des 3. Trierer Symposiums zur Antiken Wirtschaftsgeschichte.* St Katharinen, Scripta Mercatura Verlag, 2002, pp. 1–66.
- Frank T. *Roman Imperialism*, New York, Macmillan, 1915, XIII, 365 p.

- Frolov E. D. *Russkaia nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki*. St Petersburg, Gumanitarnaia academia Publ., 2006, 604 p. (In Russian)
- Frolov E. D. Sud'ba uchenogo: M. I. Rostovtsev i ego mesto v russkoi nauke ob antichnosti. *Vestnik drevnei istorii*, 1990, no. 3, pp. 143–165. (In Russian)
- Harris W. V. Between archaic and modern. Some current problems in the history of the Roman economy. *The Inscribed Economy. Production and Distribution in the Roman Empire in Light of Instrumentum Domesticum*. Ann Arbor, Journal of Roman Archaeology, 1993, pp. 11–29.
- Hobson M. S. A Historiography of the Study of the Roman Economy: Economic Growth, Development, and Neoliberalism. *TRAC 2013. Proceedings of the Twenty-Third Annual Theoretical Roman Archaeology Conference at King's College London, 4–6 April 2013*. Oxford, Oxbow Books, 2014, pp. 11–26.
- Krikh S. B. "Filosofia krizisa" i M. I. Rostovtsev: sravnitel'nyi analiz kontseptsii upadka tsivilizatsii. *Omskie istoricheskie chteniia*. Omsk, Omsk University Press, 2003, pp. 178–187. (In Russian)
- Krikh S. B. Ischezaiushchaia paradigma padeniia Rima. *Social'nye instituty v istorii: retrospektsiia i real'nost'*. Omsk, Omsk University Press, 2006, pp. 43–58. (In Russian)
- Krikh S. B. *Kontseptsii krizisa III veka v Rimskoi imperii v tvorchestve M. I. Rostovtseva*: dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, [s. n.], 2004, 234 p. (In Russian)
- Krikh S. B. M. I. Rostovtsev i M. Finli: dva tipa uchenogo. *Istoriia i istoriki v proshlom i nastoiashchem*. Moscow, IVI RAN Press, 2013, pp. 379–399. (In Russian)
- Krikh S. B. Modernizatsiia antichnoi istorii i M. I. Rostovtsev. *Antichnyi vestnik*, 2005, no. 7, pp. 67–87. (In Russian)
- Krikh S. B. *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii*. Moscow, KRASAND Publ., 2013, 320 p. (In Russian)
- Krikh S. B. *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii: konstruirovaniie i transformatsiia*: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk, Kazan', [s. n.], 2015, 46 p. (In Russian)
- Krikh S. B. Sotsial'nyi krizis i vozmozhnosti ego preodoleniia. M. I. Rostovtsev o Rimskoi imperii. *Evropa*, 2008, no. 8, pp. 5–13. (In Russian)
- Krikh S. B. *Upadok drevnego mira v tvorchestve M. I. Rostovtseva*, Omsk, IP Zagurskii Publ., 2006, 251 p. (In Russian)
- Last H. [Rev.] The Social and Economic History of the Roman Empire by M. Rostovtzeff. *Journal of Roman Studies*, 1926, vol. 16, pp. 120–128.
- Lyapustin B. S. Problemy sovremennoi istoriografii ekonomiki Drevnego Rima: poiski i resheniia. *Vestnik drevnei istorii*, 2011, no. 4 (34), pp. 359–374. (In Russian)
- Makhlaiuk A. V. Globalizatsiia po-rimski. *Drevnii Vostok i Antichnyi mir. Trudy kafedry istorii Drevnego mira*, no. 9, Moscow University Press, 2018, pp. 430–443. (In Russian)
- Makhlaiuk A. V. Institut grazhdanstva v Rimskoi imperii: obzor sovremennoi istoriografii. *Ekonomika, pravo, vlast' v Drevnem mire. Posviashchaetsia pamiati V. I. Kuzishchina*. St Petersburg, Aleteia Publ., 2021, pp. 626–657. (In Russian)
- Mayer E. *The Ancient Middle Classes: Urban Life and Aesthetics in the Roman Empire, 100 BCE — 250 CE*. Cambridge, London, Harvard University Press, 2012, 295 p.
- Michelotto P. G. Breve cronistoria del "declino" di un libro: osservazioni su The Social & Economic History of the Roman Empire di M. Rostovtzeff. *PIGNORA AMICITIAE. Scritti di storia antica e di storiografia offerti a Mario Mazza*, vol. 3. Catania, Bonanno Editore, 2012, pp. 429–480.
- Michelotto P. G. *Da Pietroburgo a New Haven. Sei saggi su M. I. Rostovtzeff*, Milano, Bruno Mondadori, 2019, XII, 369 p.
- Michelotto P. G. Rostovtzeff, Augusto e La nascita dell'Impero romano. *Augusto dopo il bimillenario: Un bilancio*. Milano, 2018, pp. 264–279.
- Millar F. Style Abides. *Millar F. Rome, the Greek World, and the East*, vol. 2. Chapel Hill, University of North Carolina Press, p. 399–416.
- Momigliano A. M. I. Rostovtsev. *Mir istorika*, issue 1. Omsk, Omsk University Press, 2005, pp. 430–457. (In Russian)
- Potter D. S. Introduction: The Shape of Roman History: The Fate of the Governing Class. *A Companion to the Roman Empire*. Malden, Oxford, Blackwell, 2006, pp. 1–20.
- Raepsaet G. Dernières tendances en histoire socio-économique de l'Antiquité romaine. Le paysan et la terre; l'artisan, ses statuts, ses techniques et ses marchands, entre mécanismes de production et émancipations sociales. *L'Antiquité Classique*, 2017, vol. 86, pp. 257–287.

- Raepsaet G. Économie et socio-économie de l'Antiquité, entre théories et pragmatismes. *L'Antiquité Classique*, 2014, vol. 83, pp. 181–218.
- Reinhold M. Historian of the Classic World: a Critique of Rostovtzeff. *Science and Society*, 1946, vol. 10, pp. 361–391.
- Rostovtzeff M. I. Capitalisme et économie nationale dans l'antiquité. *Pallas*, 1987, vol. 33, pp. 19–40.
- Rostovtzeff M. I. Kapitalizm i narodnoe khoziaistvo v drevnem mire. *Russkaia mys'*, 1900, vol. III, pp. 191–217. (In Russian)
- Rostovtzeff M. I. *Obshchestvo i khoziaistvo Rimskoi imperii*, 1–2 vols. St Petersburg, Nauka Publ., 2000–2001, 400 + 412 p. (In Russian)
- Rostovtzeff M. I. Politicheskii i sotsial'nyi krizis v Rimskoi imperii v III v. po R. Khr. Rostovtzeff M. I. *Miscellanea: Iz zhurnalov Russkogo zarubezh'ya (1920–1939)*. St Petersburg, Filologicheskii fakultet Sankt-Peterburgskogo gos. Universiteta Publ., 2004, pp. 94–136. (In Russian)
- Rostovtzeff M. I. *Rozhdenie Rimskoi imperii*. Ed. A. V. Arsen'tev. Moscow, Knizhnaia nakhodka Publ., 2003, 160 p. (In Russian)
- Rostovtzeff M. I. *The Social and Economic History of the Roman Empire*, 1–2 vols. New York, Oxford University Press, 1957.
- Rostovtzeff M. I. *A History of the Ancient World*, vol. I. Oxford, Clarendon Press, 1928, XXIV, 418 p.
- Rostovtzeff M. I. *Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich*, Bdn. I–II. Leipzig, Quelle u. Meyer, 1929, XI, 348 + V, 422 S.
- Rostovtzeff M. I. La crise sociale et politique de l'Empire romain au IIIe siècle ap. J.-C. *Musée Belge*, 1923, vol. 27, pp. 233–242.
- Rostovtzeff M. I. *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, I–III vols. Oxford, Clarendon Press, 1941, 1779 p.
- Rostovtzeff M. I. *The Social and Economic History of the Roman Empire*. Oxford, Clarendon Press, 1926, XXV, 695 p.
- Salvioli G. *Le capitalisme dans le monde antique*. Paris, Giard et Briere, 1906, 320 p.
- Scheidel W. Approaching the Roman Economy. *The Cambridge Companion to the Roman Economy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 1–24.
- Sergeev V. S. *Istoriia drevnego Rima*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925, 403 p. (In Russian)
- Shaw B. D. Under Russian Eyes. *Journal of Roman Studies*, 1992, vol. 82, pp. 216–228.
- Shtaerman E. M. *Drevnii Rim: problemy ekonomicheskogo razvitiia*. Moscow, Nauka Publ., 1978, 222 p. (In Russian)
- Shtaerman E. M. *Istoriia krest'ianstva v Drevnem Rime*. Moscow, Nauka Publ., 1996, 204 p. (In Russian)
- Smykov E. V. Metamorfozy odnoi teorii (k 100-letiiu vykhoda knigi T. Franka "Rimskii imperialism"). *PIENTHKONTAETIA. Issledovaniia po antichnoi istorii i kul'ture*. Moscow, St Petersburg, RHGA Publ., 2018, pp. 347–353. (In Russian)
- Syme R. *Tacitus*, vol. I. Oxford, Clarendon Press, 1958, 356 p.
- Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, Clarendon Press, 1939, 568 p.
- Veyne P. *L'empire Greco-romain*. Paris, Seuil, 2005, 876 p.
- Vipper R. Yu. *Ocherki istorii Rimskoi imperii*. Moscow, Skl. izd. v kn. mag. V. S. Spiridonova i A. M. Mikhailova Publ., 1908, 406 p. (In Russian)
- Wes M. A. *Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1990, XXXI, 106 p.
- Wes M. A. The Russian Background of the Young M. Rostovtzeff. *Historia*, 1988, Bd. 37, pp. 207–221.

Статья поступила в редакцию 25 ноября 2020 г.

Рекомендована к печати 17 декабря 2021 г.

Received: November 25, 2020

Accepted: December 17, 2021